

А. В. МАКАРОВА

ЦИЦЕРОН КАК ГЕРОЙ В СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Социальная память, являясь символическим представлением о прошлом, формирует и репродуцирует идентичность общества, что становится особенно важным в кризисные периоды, в частности, когда речь идет о Риме первого века до н.э.

Социальная память воспринимает из прошлого лишь то, что актуально для общества, что «представляет группе ее собственный образ», «она естественно воображает себе, что группа остается, и остается одинаковой», вписывая изменения в сознание группы¹. Это не столько воспоминание о прошлом, сколько процесс конструирования воображаемого прошлого для воображаемого сообщества, который осуществляется через постоянный обмен культурными смыслами, т.е. коммуникацию, с помощью которой формируется групповая солидарность. Таким образом, как конструкт, социальная память изначально многовариантна, пронизана отношениями власти, зависит от того, кто является ее производителем и вообще признается таковым.

Социальная память и политическая борьба в Поздней Республике

Рост индивидуализма и конкуренции внутри элиты Поздней Республики способствовал усилению борьбы за внимание народа². Изменение оценки прошлого, конструирование социально значимых событий выступали инструментами политической борьбы, которая проявлялась как соперничество разных версий исторической памяти и разных символов величия. Закрепление в социальной памяти предложенной версии событий прошлого и настоящего означало признание обществом

---

¹ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. №2-3. [<http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>].

² Vanderbroeck P.J.J. Popular Leadership and Collective Behavior in the Late Roman Republic (80–50 B.C.). Amsterdam: J. C. Gieben, 1987. P. 21, 22.

и приобретение символического капитала тем или иным лицом. Сознательно достичь этого можно было через контроль над дискурсом или доминирование в нем.

Не было недостатка в лидерах, способных привлечь к себе внимание и даже стать героями социальной памяти, но само конструирование памяти и контроль над дискурсом были доступны немногим. Конкурирующие между собой политики высшего уровня, выступали творцами-авторами таких дискурсов, разграничивающих их в коммуникативном пространстве. «...Память может быть коллективной или социальной, если ее можно передать, а для этого она должна быть артикулирована, что возможно посредством речи, ритуалов, изображений и т.д.»³. Тот, кто получал контроль над конструированием социальной памяти и трансляцией этой картины на общество, обладал властью. И, хотя в условиях Поздней Республики ни один политик не мог получить такую монополию, добиться легитимности репрезентируемой картины мира уже само по себе значило получить политическое признание.

Исследование информационной активности Цицерона, в первую очередь, его ораторской деятельности, позволяет установить ее значение для саморепрезентаций политика и его места в социальной памяти. Слава, на которую рассчитывал политик, стремящийся пройти *cursus honorum*, представляла собой не просто известность, репутацию, узнаваемость. Это также то, что передается потомкам, усиливая их собственный символический капитал, что ритуализировано в праве масок, т.е. слава в римском обществе – это оформленное через культурные практики вхождение в социальную память.

Осознание прошлого складывается на основе доминирующей коммуникации, коль скоро социальная память имеет коммуникативное бытование. Римское общество относится к обществам устной коммуникации, обращения политика с речью представляли неотъемлемую часть политической культуры, которая была тщательно разработана: «в основе риторики лежит максима... – мысль изреченная есть истина. Но, конеч-

---

³ Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., ГУ ВШЭ. 2003. С. 20.

но, при условии, что изречена она не как-нибудь, а по всем правилам риторики»⁴. Возможности для интерпретации действительности давали риторике уже существующие, готовые к восприятию аудиторией образы – места (*loci*) и общие места (*loci communes*), близкие по функциям, а иногда и по форме. Они упорядочивали, систематизировали реальность, делая «эту пестроту легко обозримой для рассудка»⁵, содержали в себе стереотипные оценки, выступали маркерами в пространстве символического мира. Даже непроизнесенная речь или речь, опубликованная после произнесения с некоторой переработкой, сохраняла эти характеристики⁶. Будучи отработанным, традиционным каналом коммуникации, речь воспринималась положительно, обладала высокой эффективностью, являлась легитимным способом воздействия, положительно воспринимавшимся аудиторией⁷, оказывала, несомненно, огромное влияние на общественное сознание.

Ораторская речь политического деятеля – участника социально-значимого события – и должна была являться первой попыткой фиксации реальности в социальной памяти. Целью было связать себя со значимыми событиями, сделать из «своих» событий образы социальной памяти. Репрезентация исторического прошлого была близка в этом отношении к модели эпоса, ориентированной на прославление героя⁸, символический мир представлял собой миф, наиболее близкий и понятный общественности Рима, он ориентировался на приобщение героя к мифологизированному прошлому – коммеморацию – прославление героя, где значение имеет перформативность, эмоционально-образное восприятие.

---

⁴ Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 130.

⁵ Там же, С. 159.

⁶ Гаспаров М. Л. Цицерон и античная риторика // Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / Под ред. М. Л. Гаспарова. М.: «Ладомир», 1994. С. 8.

⁷ Другие способы, активно применявшиеся в период Падения Республики, – организации, подкупы и раздачи, устройство игр и прочие *largitiones* – вызывали ряд ограничительных законодательных мер, осознавались как нарушение нормы.

⁸ Ретина Л. П. Культурная память... С. 14.

Для успешной карьеры необходимо было знаменитое имя, успех на военном поприще, в ораторской деятельности, благотворительность и щедрость (Cic., de off., II, 44-53). Хотя Цицерону не хватало реальной силы, какой могла бы быть армия для политика, стремящегося к лидерству в элите Поздней Республики, но, будучи выдающимся оратором своего времени, он располагал преимуществом в одном из наиболее действенных каналов влияния и, следовательно, в контроле над дискурсом. *Homo novus*, не обладающий ни крупным состоянием, ни военными способностями, в условиях жесткой конкуренции и усиления замкнутости элиты, он не имел достаточного состояния для организации зрелищ и раздач, чтобы завоевать популярность; свою клиентелу выходец из Арпина мог составить с помощью удачных выступлений, продвижения в политике он добивался тоже с помощью красноречия. Уже то, что римское ораторское наследие в основном представлено речами Цицерона, указывает на его значительный успех. На основании его речей и сравнения их с другими источниками довольно распространённым является обвинение Цицерона в лицемерии и неустойчивости во взглядах⁹, но в таких оценках его «профессиональные» качества сливаются с его личной моралью. Согласно Г. С. Кнабе¹⁰, Цицерон стоит на границе коллективизма в сознании и индивидуализма, а потому и содержание его речей представляет собой не столько его личную нравственную проблему, сколько культурные практики переходной эпохи.

Обращение к прошлому в речах Цицерона

Три группы вопросов встают перед исследователем, рассматривающим проблему социальной памяти в речах Цицерона: картины прошлого через призму настоящего; оценка и символизация, т.е. включение в создающуюся социальную па-

---

⁹ «В то же время никто, кажется, из моралистов среди римских политиков до него, и мало кто после, не нарушал столь часто принципы морали, которые проповедовал, из честолюбия, ради утверждения своей политической деятельности, цель которой – победа и успех и которая даже по самым высоким соображениям отступаться от этой цели не может». Кнабе Г. С. Проблема Цицерона / Кнабе Г. С. Избранные труды: теория и история культуры. М.: РОССПЭН, 2006. С. 355- 357.

¹⁰ Там же. С. 353.

мять настоящих событий; устойчивость влияния Цицерона на социальную память Рима, т.е. память макроуровня.

Обращение к социальной памяти в речах Цицерона происходит в разной форме. Во-первых, это обращение к прошлому с неизменным, мифологическим, закреплённым в римской традиции значением, т.е. использование символов, конструирующих римскую идентичность как наборы некоторых аксиом. Даже пространственный контекст произнесения речей (Форум и другие памятные места) был связан с социальной памятью, так как ее овеществленные объекты окружали участников коммуникации, результатом которой было конструирование прошлого. В первую очередь это сам Рим – «физическое воплощение *res publica*»¹¹, а также другие места, имеющие социальное символическое значение – места, которые говорили римлянам об их истории как народа и о значении Республики.

Тексты речей Цицерона содержат многочисленные обращения к архитектурным памятникам Римской истории. Сам вид города, его храмов, стен, форума, когда он говорил о них, подтверждал модель символического мира Цицерона, наглядно свидетельствуя в пользу его слов¹². Форум, на котором разворачивалось воздействие Цицерона на аудиторию, предоставлял ему свое неоспоримое значение центра Города и государства, видимый символ *res publica*. Вводя окружающую среду, связывая через визуальную и событийную сферу символический мир с реальностью, Цицерон активировал свою оценку событий для слушателей, уже потому, что в визуальном знаке заложена необходимость соответствия действительности. Ссылки на храм Юпитера Статора, бога, действующего в интересах Рима, защитника, отражающего атаки врагов, помогающего преодолеть римским войскам страх и смятение¹³, подтверждали версию

---

¹¹ Vasaly A. Representation Images of the World in Ciceronian Oratory. – LA. University of California Press, 1993. P. 33.

¹² «Этот вот город» Cat. I, 9; Cat. II, 1; Cat. III, 1; 24; форум и храмы De leg. Man., 44; De leg. agr., 55; Cat. I, 12; 33; Cat. IV, 2; 14-18 и др.; трибунал суда Pro S. Rosc., 12 и др.; эрарий De leg. Man., 37; De leg. agr., 15; 47 и др.; ростры De leg. Man., 2; 44; 55; De leg. agr., 49-50; 101 и др.; курия pro Mil., 90 и др.

¹³ Vasaly A. Representation Images of the World...

Цицерона в борьбе с Катилиной, ставя вопрос о существовании Рима, указывая на божественное покровительство Цицерону¹⁴. Помимо визуальных образов, напоминаемым прошлым проникнуты все речи Цицерона, часто он сравнивает его с настоящим, предлагая устоявшиеся модели восприятия реальности.

Оратор обращается также к прошлому, по которому в обществе в целом нет однозначной оценки: свободно трактуемое, известное, давнее или недавнее прошлое. Значительная часть ссылок Цицерона на историю или изменений оценок им отдельных личностей является инструментальной аргументацией, апеллирующей к традиции. Нередко эти ссылки представляют выполнение обязательств перед отдельными лицами или группами. Иногда он на протяжении длительного времени вынужден менять трактовку одних и тех же событий и лиц, как, например, образ Марка Антония, впервые появившийся в речи в защиту Милона в положительной коннотации¹⁵ и ставший в Филиппиках образом нарушителя всех государственных и нравственных устоев, олицетворением абсолютного зла.

В каждой речи Цицерон решал конкретные задачи, ставил перед собой тактические цели, связанные с текущей ситуацией. Естественно, что игра символами, образами, смыслами и значениями социальной памяти велась и с конкретными целями. Он часто черпает устоявшиеся значения символов исторического прошлого, актуальных для аудитории. Обращаясь в речах к городской аудитории, Цицерон учитывал разницу в ее составе. Выступая перед сенатской аудиторией, он подчеркивает значение этого института¹⁶; обращаясь к народу, подчеркивает его роль, его права, власть и свободу, его «такие большие милости» (Cic., de leg. agr., 2) и свою заботу о нем¹⁷.

Существование разных трактовок в социальной памяти возможно было «благодаря существованию единой традиции

---

¹⁴ Cic., Cat. III, 22. О чем он неоднократно заявляет и в других речах.

¹⁵ Cic., pro Mil., 40-41: «А недавно, когда Марк Антоний подал всем честным людям великую надежду на избавление и этот знатный юноша смело взял на себя важное государственное дело...»

¹⁶ Cic., Cat. I, 9: «...среди нас, отцы-сенаторы, в этом священнейшем и достойнейшем собрании, равного которому в мире нет...»

¹⁷ Cic., de leg. Man., 2, 58. Cic., de leg. agr., 3, 14, 77, 100-102.

римской славы, в которую на равных входили революционный трибун Гай Гракх и убивший его консерватор консул Опиций...»¹⁸. В речи Цицерона 63 г. до н.э. против аграрного законопроекта Рулла, очевидно присутствие в общественном сознании варианта трактовки истории, который традиционен для использования политиками-популярами, и в которой противопоставлялись интересы знати и народа, плебса. Гракхи считались несомненными героями, пожертвовавшими жизнью ради свободы народа и за его права¹⁹. Речь перед народом по поводу традиционного «популярского» закона, выдвинутого традиционно со времени Гракхов народным трибуном, не могла не учитывать соответствующее аудитории восприятие ситуации. Произнося ее перед сторонниками популяров, низшими слоями городского плебса, в представительности которым в других речах он мог и отказать²⁰, Цицерон выступает противником знати и хранителем светлой памяти Гракхов: «Ведь я вспоминаю, что двое прославленных, умнейших и глубоко преданных римскому плебсу мужей, Тиберий и Гай Гракхи, поселили плебс на государственных землях... я, конечно, не из тех консулов, которые считают преступлением хвалить Гракхов, чьи замыслы, мудрость и законы, как я вижу, способствовали устройению многих государственных дел»²¹.

Это напоминаемое прошлое вводится с переоценкой и является не только ситуативным приемом. Оратор не просто занимается презентацией прошлого, он наполняет старые символы и образы новыми смыслами, выстраивая их связь с текущей

---

¹⁸ Кнабе Г. С. Древний Рим – история и повседневность. М.: «Искусство», 1983. С. 24.

¹⁹ Cic., de leg. Agr., 3; 10. Опиралась эта схема на вошедшую в римский миф борьбу патрициев и плебеев времени становления республики. См.: Колобов А. В. Этапы развития «Римского мифа». [Электронный ресурс <http://rome.webzone.ru/public>]. Угроза победы знати в речах вызывает все негативные представления о власти патрициев, связанные с этой борьбой. Это достигается напоминанием о «различиях между правами, оставленными вам предками, и нынешним, Суллой для вас уготованным рабством», о том «из-за каких несправедливостей и сколько раз плебс с оружием в руках уходил от отцов-сенаторов» (Sall., Hist., V, 1).

²⁰ Cic., pro Cluen., 93.

²¹ Cic., de leg. Agr., 3; 10. Ср. Cic., de domo suo, 82; Cic., pro Mil., 8.

жизнью и попутно придавая значение и масштаб собственным действиям. Положительно характеризуя Гракхов, указывая на свои попытки сотрудничества с авторами закона, на свою поддержку земельного закона в принципе, Цицерон обвиняет трибуна Рулла в тайных замыслах, в недостатке «преданности римскому плебсу, квириты; уважения к вам и к вашей свободе – вот чего не хватило ему»²². Развивая дальше свою модель символического мира, Цицерон превращает Рулла в сторонника царской власти, стремящегося не только лишить народ свободы и доходов, но и воздвигнуть второй Рим, перенести в Капуя управление государством. Действуя первоначально в рамках чужой для него символической модели, Цицерон, не меняя основных ее символов, совершенно ее перестраивает, предлагая аудитории вместо модели, противопоставляющей народ и знать, трибунат и консулат²³, свою модель: «народ, Рим, власть народа, честный консул – децемвиры, Капуя, царская власть, бесчестный народный трибун» (Cic., De leg. Agr., 14). Опираясь на социальную память, оратор придает смысл современным событиям через установление связи с прошлым. Прошлое для римлян было связано с авторитетом идеала *mos maiorum*: «Нравы предков были для них наставлением, идеалом и нормой, а движение времени вперед, соответственно, – нарушением идеала и нормы и, следовательно, – утратой, разложением, порчей»²⁴.

«На коллективном уровне и, в частности, в политической сфере социальные субъекты применяют все возможные приемы для утверждения нового видения социального мира... Наиболее типичный прием создания новой социальной реаль-

---

²² Cic., De leg. Agr., 10, 11, 14, 20.

²³ В форме «суверенитет народа – захват власти знатью». Эта схема прослеживается и в Катилинариях II, IV, но здесь эту «партийную» схему Цицерон перебивает общей, надпартийной угрозой: «Лентул ...не может уже быть назван сторонником народа, коль скоро он... задумал истребить римский народ и уничтожить этот город»; 13: «Тогда [во время Гракхов] в стране было стремление произвести раздачу земли и происходила, так сказать, борьба сторон. ...[Лентул] сейчас, желая разрушить устои государства, призывает галлов, подстрекает рабов, зовет Катилину, Цетегу поручает истребить нас, Габинию – перерезать других граждан, Кассию – сжечь город, Катилине – опустошить и разграбить всю Италию.

²⁴ Кнабе Г. С. Древний Рим... С. 19.

ности состоит в ретроспективной реконструкции прошлого и приведении его версии в соответствие с требованиями настоящего...»²⁵. Но не только это происходит в данном случае. Здесь присутствует стремление создать в социальной памяти событие, главным героем которого стал бы сам оратор, или, точнее, сделать то событие, героем которого является оратор, событием, вошедшим в социальную память, и, желательно, придать ему значение символического.

Событие и герой в социальной памяти

Третий подход к работе с социальной памятью, встречающийся в речах Цицерона, более творческий. Оратор последовательно занимается интеграцией в социальную память своего собственного образа, являясь создателем и события, и персонажа социальной памяти. Наиболее важными являются именно эти манипуляции, поскольку в таких случаях и напоминание событий, и переоценка прошлого привлечены для того, чтобы конструировать новое событие и нового героя, закрепить его в социальной памяти и удержать за ним определенное значение.

Цицерон и до консульства трепетно и тщательно выстраивал свой образ. Нет такой речи, где бы он не уделял внимания самому себе, и развитие его имиджа происходит последовательно, поскольку речь создает образ оратора и кладет начало личностному влиянию²⁶. В начале карьеры его имидж традиционен и не претендует на роль героя. Набор характеристик в речах составляли знатность, добрая слава с молодых лет, скромность в юношеском возрасте, деятельность, отмечаемая прохождением магистратур, участие в расширении границ Римской державы. Начиная карьеру в качестве судебного оратора, Цицерон должен был преодолеть ряд неблагоприятных момен-

---

²⁵ Bourdieu P. Espace social et pouvoir symbolique // Bourdieu P. Choses dites. Paris: Editions de Minuit, 1987. P. 145.

²⁶ «Нет никакого сомнения, что речь ораторская имеет большое значение в деле снискания славы; ведь именно ее мы называем красноречием [...] Что касается речи, которую держат перед народом во время прений, то она часто приносит славу на глазах у всех. Ведь речь богатая и мудрая сильно восхищает людей; слушатели думают, что произносящий ее понимает суть дела и разбирается во всем лучше, чем другие» (Cic., De off., II, 14,48).

тов в восприятии себя окружающими. Он был новым человеком, не имеющим наследственной клиентелы, широких связей, не имеющим возможностей привлечь внимание аудитории щедротами, с небольшим и незаметным военным опытом²⁷. С одной стороны, он был меньше скован требованиями, предъявляемыми к аристократии, но с другой стороны, ему было трудно кооптироваться в элиту²⁸, и приходилось обыгрывать свою новизну в глазах общества. В первых речах Цицерон уделяет себе мало внимания, демонстрируя скромность, как и полагалось молодому начинающему политику. Однако в дальнейшем описания собственных достоинств занимают в его речах все более значительное место²⁹, что объясняется его карьерным ростом, увеличением политического веса.

Его консулат (63 г. до н.э.), когда он обладал всей законной полнотой власти, когда внимание всех было обращено к нему, должен был увенчаться победой в каком-либо значительном событии³⁰. И в этот год Цицерон связывает свое имя с подвигом спасения государства от заговора Катилины, который предстает как событие мифологического масштаба, сравнимое с созданием и падением Рима. Событие прославило Цицерона и скорее дискредитировало его коллегу по консулату

---

²⁷ Всего 1 год. Plut., Cic., 3. В начале карьеры недостаток военного опыта ему как профессиональному оратору не мешал. Он стал остро ощущаться, когда Цицерон начал претендовать на роль ведущего политика. О насмешках над ним из-за этого см. Plut., Cic., 41. О насмешках над его незнатностью см., напр., App., B.C., II, 2; Sall., In Cic., 1; 3; 4.

²⁸ Vanderbroeck P.J.J. Op. cit. P. 24. Cic., de leg. agr., 5: «...ведь мне, в случае ошибки, пощады не будет, а за правильные действия меня похвалят скупой и нехотя; в случае сомнений знатные люди не дадут мне доброго совета, а в случае затруднений не окажут надежной поддержки».

²⁹ Так в одной из самых первых речей за Росция Америкского 80 г. до н.э. (на политически остром процессе) лишь в начале речи Цицерон скромно упоминает о своей неопытности, верности покровителям (1-4). В речи 66 г. о предоставлении империя Помпею на Востоке Цицерон, уже в должности претора, посвящает своим достоинствам начало и весь конец речи. В целом же речь выстроена так, что его образ встает на один уровень с образом Помпея.

³⁰ «Только тот лидер является настоящим в глазах последователей, кто сражается с врагами и побеждает их». (Абашкина Е. и др. Имидж лидера. М., 1994. С. 125).

Гая Антония, командовавшего военными операциями против Катилины, который в результате «словно наемный актер, играл второстепенную роль» при Цицероне (Plut., Cic., 12).

Подобные попытки были у Цицерона и до заговора. Уже в речи против аграрного законопроекта Рулла, произнесенной на второй день после вступления в должность 2 января 63 г. до н.э., Цицерон ищет и представляет вариант такого события, сразу определяет свою роль лидера не только как консула – «формального», но также и реального лидера в существующем у аудитории представлении об оппозиции народа и знати³¹.

В рамках символического мира речей Цицерон делает свой образ одним из центральных в презентации реальности, подает себя как одного из главных действующих лиц. Консул превращает свое избрание не столько в личную победу, сколько в историческое событие, участниками которого является его аудитория. «Я – новый человек, которого вы, впервые после долгого промежутка времени избрали в консулы. К тому званию, которое знать всячески обороняла и ограждала валом, вы, под моим водительством, пробили путь и сделали его впредь открытым для доблести... избрали так, как в нашем государстве были избраны немногие из знатных, а из новых людей – до меня ни один»³². Компенсируя незнатность и недостаток военного опыта, Цицерон подчеркивает свою исключительность, которая при этом ни в коем случае не нарушала необходимой приверженности традиционным ценностям. Выступая уже в таком качестве как герой исключительного события в римской истории, Цицерон трактует аграрную реформу как попытку установления царской власти и даже воздвижение второго Рима – Капуи³³:

---

³¹ Cic., de leg. Agr., 3: «почет, оказанный мне вами и достигнутый мною в положенный мне срок, представляется ...достигнутым моими заслугами»; 4: «я был объявлен консулом [...] единым голосом всего римского народа»; 5-7; 9: «... я сказал в сенате, что я, исполняя свои должностные обязанности буду консулом, верным народу».

³² Cic., de leg. Agr., 1-4; 59; 74.

³³ Cic., de leg. Agr., 65: «я ожидал от этого страшного и беспощадного народного трибуна какой-нибудь меры в таком роде», которую «я всегда считал чуждой деятельности народного трибуна, чуждым достоинству

«Именно народный трибун, которому предки наши повелели быть оплотом и стражем свободы в нашем государстве, устанавливает царскую власть!.. а с помощью вашего консула вам удастся без труда защитить ее» (Cic., de leg. Agr., 14-16).

Но заговор Катилины стал гораздо более ярким событием правления Цицерона, позволив ему предстать одним из ведущих политических лидеров, выстраивать в своей ораторской деятельности с 63 по 51 г. героический миф. Масштаб подвигу героя обеспечил сюжет, выраженный в формуле «*urbs amissa, urbs restituta*»³⁴. Уже в речи против законопроекта Рулла Цицерон использует этот сюжет и представляет себя как спасителя государства: герой открывает истину аудитории, и, вследствие этого, опасность миру устраняется. В каждом случае Цицерон фокусировал внимание аудитории на ситуации, представляя ее определяющей дальнейшую судьбу государства. В Катилинариях, пересказывая для своей аудитории события конца 63 года, он создает символическую версию происходящего, вписывающуюся в события римской истории, подкрепленную ими и укладывающуюся в общую канву социальной памяти. Одним из способов поднять значение события и предоставить вариант действий, подтвержденный историческими примерами, является проведение исторических параллелей. Приводя примеры убийства Сервилием Агалой – Спурия Мелия, Сципионом Эмилианом – Тиберия Гракха, Опимием – Гая Гракха³⁵, Цицерон прилагает символическое значение этих событий к современности, легитимирует свои действия и придает значимость своей политической деятельности. Сравнением, сопоставлением подчеркивается значительность современных событий, так как в прошлом речь шла лишь о «подозрении в подготовке мятежа», о попытках «произвести лишь незначительные изменения в государственном строе», а в случае события, героем которого является Цицерон, речь идет о крушении всего государства³⁶.

римского народа». Угроза захвата Руллом власти (8, 24, 32), продажа государства (15), воздвижение второго Рима – Капуи (86-87; 92-99).

³⁴ Vasaly A. Op. cit. P. 75-87.

³⁵ Cic., Cat. I, 3-4; 29.

³⁶ Cic., Cat. I, 3-4; 29; Cat. III, 24-25; Cat. IV, 13; или «сам Ганнибал не пожелал бы нашему государству столько зла, сколько причинили

С помощью речи, ритуалов, использования визуальных образов Цицерон создает событие и героя, которые должны занять место в памяти римлян. «Однако образы можно передать, только если они конвенциональны и упрощены»³⁷ т.е., если это семиотические единицы, знаки. Происходит стереотипизация события, оратор выстраивает символический мир, яркий и запоминающийся.

В символическом мире речей Цицерона конфликт представляет единоборство участников: Цицерона и его оппонента. Основной прием оратора – исключение противника, превращение его во *внешнего другого*. Это упрощает модель для восприятия, способствует объединению аудитории на стороне Цицерона, придает эпический масштаб событию. Помещая конфликт в свою схему, оратор делает его из внутреннего конфликта римской политической жизни внешним, говоря об угрозе Риму как об угрозе извне. Оратор в качестве героя один действует против этой угрозы³⁸. Герой активно заявляет о себе, когда равновесие уже утрачено, основная масса его аргументов – восстановление равновесия³⁹.

Первая из речей Цицерона против Катилины, представляет явным кризисное положение, отчуждает противника, ставя цель удалить Катилину из города еще без официального признания его врагом государства. Речь начинается с резкого объявления об опасности, которую переживает государство: «Неужели тебя не встревожили ни ночные караулы на Палатине, ни стража, обходящая город, ни страх, охвативший народ, ни присутствие всех честных людей, ни выбор этого столь на-

---

они» (de prov. cons.,4) и др. См. также: Cic., Cat. I, 3-4; Cat. IV, 4; 21; pro Sest., 37; de domo suo, 86; de resp. har., 58-59 и др.

³⁷ Репина Л. П. Указ. соч. С. 20.

³⁸ Когда в реальности он не принимает прямого участия в конфликте, то в представляемой им модели действуют его заместители, например, Сестий и Милон в речах «За Сестия» и «За Милона». Cic., P. red. in sen., 19-20; pro Sest., 14; 77; pro Mil., 5;24;32-34.

³⁹ Для Римского политического сознания ни о чем большем, кроме восстановления исходной нормы, речи быть не могло (См.: Кнабе Г. С. Древний Рим... С. 19-28). Цицерон на всякий случай предупреждает обвинения в установлении царской власти (30), приводит исторические прецеденты (3, 29). Восстановление исходной модели Цицероном – Cat. I, 30-31.

дежно защищенного места для заседания сената, ни лица и взоры всех присутствующих?» (Cat. I, 1)⁴⁰.

Далее кризисные симптомы персонализируются: Цицерон с первых слов указывает виновника, именно к нему обращается: «Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением?» (Cat. I, 1)⁴¹. Одна из задач – внушить аудитории, что Катилина – *другой*, враг, чьи планы и действия выбрасывают его из круга граждан. Враг в традициях инвективы изображается нарушителем всех государственных и нравственных устоев, к нему прикрепляются все негативные и кризисные характеристики, противопоставляющие его полисному идеалу *vir bonus*. В этом отношении показательны образы противников Цицерона – Катилины, Клодия, Авла Габиния, Кальпурния Пизона, Марка Антония, построенные на противопоставлении традиционных римских *virtutes* и *nova flagitia*⁴², где все положительные качества принадлежат позитивной составляющей символического мира. На стороне Катилины, отягченного пороками, «пропащие люди», «подонки», «наглая шайка преступников»⁴³.

---

⁴⁰ Далее (Cat. I, 10; 11; 15; 19) говорится о покушениях на жизнь консула; 6; 7; 8 – о попытках осуществления «замыслов» Катилины, резни оптиматов, захвата Пренесты; «... ни ночь не может скрыть в своем мраке сборище нечестивцев, ни частный дом – удержать голоса участников твоего заговора, если все становится явным, все прорывается наружу?» (6).

⁴¹ Катилина всеми признается, по словам Цицерона, олицетворением кризиса (Cat. I, 16; 20-21).

⁴² Утченко С. Л. Две шкалы римской системы ценностей // ВДИ. 1972. № 4. С. 22: «...nova flagitia есть те же самые древние добродетели, но выродившиеся, извратившиеся в силу того, что они ориентированы на новые цели: не на благо *res publica*,.. но на благо отдельного человека». Они включают *luxuria* (роскошь), *avaritia* (корыстолюбие), *ambitus* (властолюбие), *superbia* (высокомерие), *crudelitas* (свирепость), *impudentia* (развращенность), *desidia* (противоположность *industria*, общественной активности). Сис., Cat. I, 13; 14; Cat. II, 4; 5; 7-10; 20-24; P red. in sen., 10-16; de domo suo, 4; 62; 111; 112; 116; 126; pro Sest., 15-22; Phil. II, 43-50; 57-70; 76-84; 86; 92; 101-106; Phil. XIV, 9. В риторике подобные методы относились к системе внутренних доказательств, включавших места и общие места, которые при всей расхожести их употребления апеллировали к действительным и потому действенным нормам и представлениям.

⁴³ Cat. I, 13-14. И самой судьбой, природой приготовленного для «безрассудства». Cat. I, 23; 25; 30; 31. В Cat. II, обращенной к народу, Цицерон делает акцент на том, что сторонники Катилины – знать, при-

Спасение должен осуществить тоже конкретный персонаж – герой, чьи права на эту роль вполне легитимны, что и напоминает: Цицерон – консул, даже обладающий определенной исключительностью, его возможности уже актуализированы⁴⁴. Лидерство Цицерона-консула подчеркивается указанием на стремление Катилины убить именно его⁴⁵, а также способностью Цицерона оказать отпор разрушительным стремлениям Катилины⁴⁶ и, в целом, «корню и зародышу всяческих зол в государстве» именно в консульство Цицерона⁴⁷. Цицерон указывает, что на его стороне вся отчизна, которая даже сама требует удаления Катилины⁴⁸, и весь сенат, чье мнение выражено молчанием и выражением лиц, и римские всадники возле сената и «другие храбрейшие граждане»⁴⁹.

верженная nova flagitia, – развратники, которые «умажены благовониями, щеголяют в пурпурных одеждах», ленивцы, братоубийцы, отравители (Cat. II, 4; 5; 7-10; 20-25).

⁴⁴ Напоминание о своем качестве героя Цицерон вкладывает в уста «отчизны, Италии, государства»: «Поистине, прекрасно воздашь ты благодарность римскому народу, который тебя, человека известного только личными заслугами и не порученного ему предками, так рано вознес по ступеням всех почетных должностей к высшей власти, если ты, боясь ненависти и страхась какой-то опасности, пренебрежешь благополучием своих сограждан» (Cic., Cat. I, 28).

⁴⁵ Cic., Cat. I, 10; 11; 15-16: «Сколько раз покушался ты на мою жизнь, пока я был избранным консулом, сколько раз – во время моего консульства!.. Не знаю, во время каких таинств, каким обетом ты посвятил его [кинжал] богам, раз ты считаешь необходимым вонзить его именно в грудь консула»; 19.

⁴⁶ Cic., Cat. I, 6-8; 10-12; 8: «...я с гораздо большим усердием охраняю благополучие государства, чем ты готовишь ему гибель». Что подкрепляется вмешательством судьбы, 15-16: «...твое безумное злодеяние было предотвращено... Фортуной римского народа?.. Ничего тебе не удастся, ничего ты не достигаешь, но все-таки не отказываешься от своих попыток и стремлений. Сколько раз уже вырывали кинжал у тебя из рук! Сколько раз он случайно выскальзывал у тебя из рук и падал на землю!».

⁴⁷ Cat. I, 30; 31: «... почему-то все злодейства, давнишнее бешенство и преступная отвага созрели и вырвались наружу именно во время моего консульства».

⁴⁸ Прием олицетворения: Cat. I, 18; 27-29.

⁴⁹ Cat. I, 1; 16; 20-21. Присоединение к своей позиции всего сената было довольно смелым, так как молчание сенаторов выражало, по видимому, скорее нерешительность, которую и пытался преодолеть Ци-

Разделение «своих» и «других» соответствует позиционированию противника в символическом мире, но исключение Катилины, намеченное в речи, происходит в реальности – Цицерону удастся добиться отъезда Катилины из Рима, превратить его таким образом в явного врага государства и доказать свою правоту⁵⁰. Цицерон добивается и заявляет о том, что вокруг него как лидера объединяются все силы Рима, все государство, все сословия⁵¹ против «союза злодейства» под эгидой Катилины, собравшего всех «подонков Рима»⁵². Единение, согласие сословий здесь вполне соответствует идеалу единства *civitas*⁵³.

Слушателям Цицерон предлагает в конфликте единственно возможную идентификацию – с государством и своей позицией. В уста государства Цицерон вкладывает мысли своей аудитории⁵⁴, т.е. те мысли, которые он ей предлагает. Он предлагает

церон своей речью. Она включала возможные аргументы этой «осторожной» части и снимала их: *Cat. I, 27-30*.

⁵⁰ «...как изгнанник ты можешь покушаться на государственный строй, но как консул ниспровергнуть его не можешь, – твои злодейские действия будут названы разбоем, а не войной» (*Cat. I, 27*). *Cat. II, 1; 2; 4*: «...поэтому я и довел дело до нынешнего положения, дабы вы могли открыто бороться с ним, воочию видя в нем врага».

⁵¹ *Cat. II, 19*: «Прежде всего, я сам бдителен, твердо стою на своем посту и на страже государства. Затем, великим мужеством воодушевлены все честные мужи, велико согласие между ними, огромна их численность, велики и наши военные силы. Наконец, и бессмертные боги придут на помощь нашему непобедимому народу, прославленной державе и прекрасному городу в их борьбе против столь страшного преступления»; *Cat. IV, 15-16, 14*: «Все они находятся здесь: это люди из всех сословий, всех слоев населения, наконец, люди любого возраста; ими полон форум, полны все храмы вокруг, полны все пути, ведущие к этому храму и к этому месту. Со времени основания Рима – это единственное дело, в котором все вполне единодушны».

⁵² *Cat. II, 7, 8*. Далее Цицерон дает более подробную характеристику, определяя их по группам (*Cat. II, 18-23*): богатые должники, жаждущие увеличения богатства грабежами смутного времени; знатные должники, стремящиеся к захвату власти; видные жители сулланских колоний, надеющиеся «на такие же грабежи, какие происходили в прошлом» (20); маргиналы; уголовные преступники; развращенная золотая молодежь.

⁵³ Солидарность граждан как норма существования общины (*Кнабе Г. С. Древний Рим... С. 24*).

⁵⁴ Прием олицетворения (*Cic., Cat. I, 27-29*).

слушателям идентификацию с традиционными римскими ценностями, республиканскими идеями, Римским мифом, представляющим Рим как избранный богами город, уготованный для великой миссии. Существенную роль в «Римском мифе» играла идея о зависимости осуществления возложенной на вечный Город миссии править народами и являть им пример от следования *mos maiorum*. Темы о величии и славе римской державы, о «завещанной вам предками славе римского народа, великой во всех отношениях»⁵⁵, о необходимости поддержания величия имени римского народа и значении расширения пределов его державы являлись общими местами в римском красноречии. Главная ценность республиканского устройства – *libertas* – использовалась в качестве лозунга совершенно разными политическими силами⁵⁶. Наивысшей ценностью для аудитории является и декларируется государство, выражаемое через различные политические символы: римский народ, сенат, форум, Город, стены города и т.д.⁵⁷. Риму, республике, миру, справедливости, порядку противостоит анти-Рим (в конкретных образах Капуи, Манлиева лагеря, например)⁵⁸, царская власть⁵⁹, вой-

---

⁵⁵ Cic., de leg. Man., 6. Все речи Цицерона проникнуты этим духом: «Так как вы всегда стремились к славе более, чем другие народы...» (7); «подумайте о том, чего требуют величие и слава вашей державы» (11); «действительно существовали римляне, отличавшиеся такой необычайной воздержанностью, а прежде все это казалось чужеземным народам невероятными и старинными рассказами; только теперь блеск нашей державы начал приносить свет этим племенам; только теперь они поняли, что их предки в те времена, когда наши должностные лица отличались такой сдержанностью, не без основания предпочли покорность римскому народу господству над другими племенами» (41). Cat. II, 29; Cat. IV, 19; и т.д.

⁵⁶ *Libertas* важна была как сохранение верности законам, которые образывали «как бы конституцию города, основу жизни и деятельности граждан» (Кнабе Г. С. Древний Рим... С. 19-20).

⁵⁷ Cic., de leg. Man., 44; Cat. II, Cat. IV, 16; 18; 24; напр., de domo suo, 1: «достоинство государства, благополучие всех граждан, свобода, алтари, очаги, боги-пенаты»; 5; Phil. XIV, 15; 27; и др.

⁵⁸ Cic., De leg. Agr., 86-99; Cat. I, 5.

⁵⁹ Обвинения в царской власти встречаются у Цицерона практически во всех речах, аналогично и его противники обвиняли его в том же (напр., Cic., Cat. I, 30), особенно после 63 г. (Sall., In Tull., 3; Cic., Phil. II, 15; Phil. XIV, 15-16).

на, резня, произвол. Причем Республике – абсолютному порядку – противопоставлено полное уничтожение государственности: «...люди, помышляющие о нашей всеобщей гибели, об уничтожении этого вот города, более того, об уничтожении всего мира!»⁶⁰, оценка Катилины, «стремящегося резней и поджогами весь мир обратить в пустыню»⁶¹, в ярких картинах разрушения города⁶². Эсхатологичность угрозы, исходящей от действий противника, объясняется как общими настроениями, появившимися в обществе Поздней Республики, так и представлением о Риме как о вечной и бессмертной величине, которой если и угрожает разрушение, то это означает и, возможно, уничтожение, что – «сравним малое с великим – как бы напоминает нам гибель и уничтожение всего этого мира»⁶³.

Государство Цицерон может ассоциировать со своей аудиторией, поднимая таким образом ее значение и переводя ее в символическое поле. Но помимо определенной идентификации оратор предлагает аудитории возможность участия в событии, возможность оказать влияние на кризис. Значение аудитории в каждой речи становится решающим для государства, по словам

---

⁶⁰ Cic., Cat. I, 9. Cat. I, 12; Cat. III, 25; Cat. IV, 4; 7; 11-12; или, в менее глобальном масштабе, просто уничтожение некоторых государственных основ, например: «разразилась памятная нам буря, настал мрак для всех честных людей, ужасы внезапные и непредвиденные, тьма над государством, уничтожение и сожжение всех гражданских прав,... боязнь резни у всех честных людей, преступление консулов, алчность, нищета, дерзость» (de prov. cons., 43).

⁶¹ Cic., Cat. I, 3; Cat. III, 8; 10; Cat. IV, 11-12. Тема поджога, развитая в Катилинариях, имеет помимо символического значения уничтожения позитивного мира еще и более насущное значение для широкой римской аудитории: «ибо, по его [простого народа] мнению, ...пожар был бы жестоким, неумолимым и чрезвычайно губительным для него, так как все его имущество – предметы повседневного пользования и одежда» (Sall., Cat., 48(2)).

⁶² Цицерон достигает своей цели, живописуя возможные последствия принятия неверного решения, противного его варианту, используя топ «захваченный город»: «... я воображаю себе лежащие в погребенной отчизне груды жалких тел непогребенных граждан; перед моими глазами встает иступленное лицо Цетега, ликующего при виде того, как вас убивают...» (Cat. IV, 11-12).

⁶³ Cic., De rep., III, 23; 34.

Цицерона, ее действие определяет само существование республики⁶⁴, необходимо для этого лишь подтвердить действия героя.

Далее разворачивается кульминация события, символическая драматизация положения и героическое преодоление кризиса. Драматизируя положение, Цицерон говорит, что он «ждал только, чтобы вырвалось наружу то, что оставалось скрытым. Но отныне я уже не могу забыть, что здесь моя отчизна, что я – консул вот этих людей, что мой долг – либо вместе с ними жить, либо за них умереть»⁶⁵. Ситуация оказывается настолько критической, что Цицерон и сам полагается на богов, и аудитории предлагает призвать их на помощь⁶⁶.

Третья Катилинария начинается с описания подвига, совершенного Цицероном при покровительстве богов, и заявления об успешном преодолении страшного кризиса. «Государство, ваша жизнь, имущество и достояние, ваши жены и дети, квириты, и этот оплот прославленной державы – богатейший и прекрасный город сегодня, по великому благоволению бессмертных богов, моими трудами и разумными решениями, а также ценой опасностей, которым я подвергался у вас на глазах, как видите, спасены от огня и меча, можно сказать вырваны из пасти рока, сохранены и возвращены вам. ...Ибо факелы, грозившие пожаром всему Риму, его храмам, святилищам, до-

---

⁶⁴ Вполне естественно, что и у других ораторов определяющее значение аудитории для судьбы государства сохраняется, так как от народного собрания или сената действительно зависит принятие решения. Напр., Cat. IV, 24: «...выносите постановление о самом существовании своем и римского народа, о своих женах и детях, об алтарях и домашних очагах, о святилищах и храмах, о домах и зданиях всего Рима, о нашей державе и свободе, о благополучии Италии и всего государства в целом».

⁶⁵ Cic., Cat. II, 27; 10;11.

⁶⁶ «Обещаю это вам, квириты, полагаясь не на свою пронизательность и не на человеческую мудрость, а на многочисленные и притом несомненные знамения бессмертных богов. Ведь ими руководствуясь, я и возымел эту надежду и принял это решение. Уже не издали, как это некогда бывало, и не от внешнего врага, находящегося далеко от нас, защищают они свои храмы и дома Рима; нет, они защищают их, находясь здесь, изъяснением своей воли и своей помощью. Им должны вы молиться..., чтобы этот город, по их воле ставший самым прекрасным, самым счастливым, самым могущественным, они... защитили от нечестивого злодеяния преступнейших граждан». Cat. II, 29.

мам и городским стенам, которые окружают его со всех сторон, мы потушили, удары мечей, направленных против государства, отразили, а их клинки, направленные вам в грудь, оттолкнули»⁶⁷. Масштабы события демонстрируют и масштабы героя. Устраненное бедствие приобретает еще большую значительность и драматичность от того, что оно было предсказано гаруспиками как «падение Рима и всей нашей державы»⁶⁸. Спасая государство, Цицерон беззаветно и героически, с угрозой для своей жизни, преодолевает опасности⁶⁹. Успешность героя подчеркивает особое внимание богов к его трудам, к его консульству и ему самому⁷⁰. Покровительство богов, особая судьба⁷¹, удачливость Цицерона должны были в глазах римского общества подтверждать его следование и соответствие Римскому мифу. Героическая победа над Катилиной фиксируется Цицероном в признании его деятельности сенатом и Римом⁷².

---

⁶⁷ Сис., Cat. III, 1-2; 25.

⁶⁸ «Если только бессмертные боги, которых надо умиловать всем, чем только возможно, волей своей не отклонят этих судеб». Cat. III, 19; 21.

⁶⁹ Cat. II, 3: «...рискуя, не говорю уже – навлечь на себя ненависть, но даже поплатиться жизнью»; 12: «...после того как меня чуть не убили в моем собственном доме...»; 14; 15; Cat. III, 3: «я непрестанно бодрствовал и принял меры, чтобы вы могли уцелеть, несмотря на столь страшные и столь глубоко затаенные козни»; Cat. IV, 2: «я – тот консул, отцы-сенаторы, для которого и форум, средоточие всего правосудия, и поле, освященное консульскими ауспигиями, и Курия, высший оплот всех народов, и дом, убежище для каждого человека, и ложе, предназначенное для отдохновения, и, наконец, это вот почетное место всегда таили в себе смертельную опасность и козни. О многом я молчал, многое претерпел, во многом уступил и ценой своих тревог избавил вас от многого, внушающего вам страх»; 18; Cat. IV, 23 и др.

⁷⁰ «Впрочем, все это, квиниты, было сделано мной так, что кажется свершившимся по решению, по воле и промыслу бессмертных богов... боги в то время своим непосредственным присутствием оказали нам такое содействие и помощь, что мы, можно сказать, видели их воочию» Сис., Cat. III, 18; 22: «это он, это Юпитер погасил пламя; это он хотел, чтобы... все вы были спасены. Я же, под водительством бессмертных богов, поставил себе эту цель, принял это решение...»; Cat. II, 19; 25; 29; Cat. IV, 2 и др.

⁷¹ Напр., Cat. III, 4: «мне представился случай выполнить труднейшую задачу, которую я всегда просил у бессмертных богов».

⁷² Cat. III, 14-15; 26: «я думаю, судьбой назначен один и тот же срок, который, надеюсь, продлится вечно, – и для благоденствия Рима и

Интересно, что, не участвуя сам в вооруженных действиях против заговорщиков, Цицерон старался обойти недостаток военной составляющей своего образа, развивая модель героя-«политика форума», предложенную им еще раньше⁷³. Такое разделение сфер лидерства в сюжете спасения Цицероном Рима от Катилины на протяжении всех речей сопровождается близко трактуемыми сюжетами из римской истории, углубляющими значение действий Цицерона: это многочисленные указания на героев древней и, особенно, недавней римской истории. Образы Сципиона Старшего, Сципиона Эмилиана, Эмилия Павла, Мария и Помпея, среди похвал которым Цицерон предлагает народу дать место и для него⁷⁴, обращены к широкой аудитории. Цицерон четко дает понять, что, тогда как другие, вполне традиционные лидеры-военачальники, расширили границы Римской державы, он спас и сохранил ее саму⁷⁵. Сравнение Помпея со Сципионом Африканским Младшим, а себя с Гаем Лелием Мудрым⁷⁶ фигурирует не только в речах, но и в трактате «Лелий, или о дружбе». В более ограниченной аудитории (перед сенатом, коллегией понтификов) события Заговора Катилины по важности для государства стоят в ряду со спасением госу-

---

для памяти о моем консульстве...»; *Cat. IV*, 20-24: «Смерть, которой они мне угрожают, ожидает нас всех, между тем таких высоких похвал, каких вы своими постановлениями удостоили меня при жизни, не достигал никто; ведь другим вы своим постановлением воздавали благодарность за подвиги, совершенные во славу государства, и только мне – за его спасение»; *pro Mil.*, 8 и др.

⁷³ Еще в речи 66 года за закон Манилия о предоставлении Помпею империя на Востоке Цицерон, позиционируя себя рядом с Помпеем, претендует на тот же уровень значимости, но только на мирном форуме, на разделение сфер деятельности с Помпеем.

⁷⁴ *Cic.*, *Cat. IV*, 21.

⁷⁵ *Cic.*, *Cat. III*, 26: «в нашем государстве одновременно оказалось двое граждан, один из которых провел границы нашей державы не по земле, а по небу, а другой спас оплот и средоточие этой державы».

⁷⁶ *Cic.*, *Fam.*, V, 7, 2: «Когда ты вернешься сюда, ты узнаешь, с каким благоразумием и мужеством я все это провел [подавление заговора Катилины], и позволишь мне быть к тебе в таких же отношениях, как Лелий к Сципиону, хотя ты гораздо выше, чем наш Африканский, я же много ниже Лелия». *Sall.*, *In Cic.*, 1: «действует так, будто он лишь один остался из окружения прославленного мужа Сципиона Африканского».

дарственного строя от посягательств Спурия Мелия – Агалой, Тиберия Гракха – Сципионом, Гая Гракха – Опимием⁷⁷ и, несомненно, превосходят их. Преодолев опасную ситуацию, грозящую уничтожением Риму и всему миру, «без резни, без кровопролития, без участия войска, без боев»⁷⁸, восстановив мир и спокойствие, Цицерон становится носящим тогу императором по масштабу не уступающим лидерам-полководцам⁷⁹.

Особое место занимает прозвучавшая наиболее ясно в первой Катилинарии тема Ромула⁸⁰, основания им города и защиты его в качестве военного лидера⁸¹. Цель оратора – сделать очевидным, что Рим прошел через кризис такой серьезный, что спасение его Цицероном равнозначимо новому началу Города⁸². На основании этого Цицерон получает возможность назвать себя вторым Ромулом, вторым основателем Рима: «коль скоро мы с благоговением превознесли того, кто этот город основал, и причислили его к бессмертным богам, вы и потомки ваши, конечно, должны оказать почет тому, кто этот же город, уже основанный и разросшийся, спас» (Cic., Cat. III, 2)⁸³. Так, указание

⁷⁷ Например, Cic., Cat. I, 3-4; 29; pro Mur., 8;14; de domo suo, 91.

⁷⁸ Cic., Cat. III, 23.

⁷⁹ Cat. II, 28; Cat. III, 23; 25-27. Cat. IV, 21. pro Mur., 30. Тема, часто повторяемая Цицероном, в частности, в его поэме о своем консульстве: «Меч, перед тогой склонись, языку уступите, о лавры!» См. Cic., Phil. II, 20; Sall., In Tull., 3.

⁸⁰ Cic., Cat. III, 33; Cat. II, 4.

⁸¹ Vasaly A. Representation Images of the World... P. 45-49.

⁸² Подобным образом в конкретных политических интересах подвиг Цицерона могли представить в своих речах даже его противники: Cic., Att., I,14,3.

⁸³ Cic., Cat. III,19; Cat. I, 33; Cat. IV,14: «Со времени основания Рима это – единственное дело, в котором все вполне единодушны». Ср. с цитируемой политическим противником Цицерона строчкой из поэмы последнего о своем консульстве: «О, счастливый Рим, моим консулатом творимый!» Sall., In Tull., 3. Подобные сравнения не остались, разумеется, незамеченными противниками, ср. Sall., In Tull., 4: «Ромул Арпинский». Чернышов Ю. Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Ч. I. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1992. С. 119: «Цицерон хотел казаться не только “спасителем отечества”, но и как бы вторым его основателем, “новым Ромулом”, возродившим Римское государство, спасенное им в год консульства от гибели».

на храм Юпитера Статора и статую Юпитера Капитолийского вводили образ Ромула-основателя, который Цицерон применил к уничтожению заговора как второму основанию Рима и к себе как ко второму основателю, отцу отечества⁸⁴. Тема Ромула как основателя государства, достаточно активно используемая в тот период, идеи «об “отце отечества”, о “новом основателе” приобретали в тех условиях сотериологический характер»⁸⁵, что особенно подчеркивалось «надпартийностью» Цицерона.

В римской культуре прошлое оценивалось положительно, новое выступало как регресс, нарушение традиционной нормы, в речах оратора событие выступает как восстановление традиции, основанное на моделях, предложенных прошлым. Обращение к традиции – характерная черта социальной памяти Рима, в которой значимое событие должно быть связано не с каким-то счастливым временем в прошлом или будущем, а с возобновлением традиции. При этом в римском обществе, переживающем перемены, традиция переосмысливалась всеми значимыми политическими лидерами: ей давалось новое толкование, но от нее не отказывались. Лозунги Цицерона, помимо ориентации на его целевую аудиторию – представителей всаднического сословия Рима и италиков, имели еще специфический символический аспект. Они выстраивали новые границы –

---

⁸⁴ Vasaly A. Op. cit. P. 46-49, 80. Особое место занимает Юпитер – основной бог Рима-государства. Это и Юпитер Статор, в храме которого Цицерон произнес первую Катилинарию, и Юпитер Капитолийский. Храм Юпитера Статора, в котором во время событий заговора Катилины собрался сенат (Cat. I), Цицерон использует для сближения современных событий и легендарного прошлого. После основания Ромулом Рима произошла битва с сабинами, выигранная благодаря покровительству Юпитера. Храм стал памятником первого великого военного кризиса Рима, доказавшего выживаемость Города, служил подтверждением героизма Ромула. Присутствие образа Ромула-военного лидера, Ромула-основателя, участие божественного покровительства Юпитера становится лейтмотивом сюжета заговора Катилины. Статуя Юпитера Капитолийского была разрушена пугающими знаменами и восстановлена в консульство Цицерона: «А разве не явным доказательством воли Юпитера Всеблагого Величайшего служит то, что, когда сегодня рано утром, по моему приказанию, заговорщиков и доносчиков вели через форум в храм Согласия, именно в это время воздвигали статую?» Cic., Cat. III, 21; 22-29; Cat. I, 11; 33.

⁸⁵ Чернышов Ю. Г. Указ. соч. С. 119.

не в соответствии с приверженцами популяров и оптиматов, конкретных харизматичных политиков первого уровня, а объединяли все общество в *optimum bonorum*, предлагая для тех, кто жаждал стабильности, консолидирующий лозунг, оценивающий реальность в границах не разделения, а объединения.

Борьба за контроль над событием и его закрепление в социальной памяти

Закрепление в социальной памяти трактовки Цицерона в отношении события и себя самого должно было осуществиться через подтверждение народом предложенной версии. Любой политик подотчетен народу, а для полной реализации события было необходимо его публичное подтверждение. Мифологизация события осуществлялась через его ритуализацию, закрепление через именование. Например, триумф (или овация) был необходимым подтверждением победы, окончательным признанием ее реальности и степени значимости. Поэтому, например, Цицерон впоследствии так стремился получить триумф за свои военные действия в Киликии. Но вполне преуспел он в обозначении своего подвига и себя самого, получив поддержку народа, проводы его как консула после казни заговорщиков (формального разгрома) домой, и, конечно, получив исключительный титул «отца отечества», приравнявший его к основателю Города – Ромулу. Так говорит об этом Аппиан: «Цицерон, который был раньше всем известен благодаря только силе слова, теперь прославился и своими делами. Бесспорно, он казался спасителем гибнущего отечества. Велико было расположение к нему народа и разнообразны знаки величайшего к нему уважения. Когда Катон назвал его отцом отечества, народ приветствовал это криками; некоторые полагают, что такое благоговение, начавшись с Цицерона, перешло на лучших из теперешних императоров»⁸⁶. Когда ему удастся достичь желаемого, Цицерон становится субъектом власти, совершенно специфической по отношению к другим ведущим лидерам эпохи, основа ее – контроль над дискурсом, образующим социальную память.

Поскольку героическое преодоление заговора Катилины явилось для Цицерона самым успешным событием его кон-

---

⁸⁶ App., В. С., II, 7.

сульства, большое значение имело сохранение информационного контроля над ним. Цицерон использует разные способы для закрепления значений за событиями, ставшими информационным фактом, и для поддержания, возобновления, присутствия в информационном пространстве этого факта. При этом Цицерон отказался от наград и реальных памятников⁸⁷, его подвиг остается в информационном поле, которое выдающийся оратор мог легче контролировать при политических переменных, чем, например, фактическое свержение статуй, которые могли бы воздвигнуть в его честь.

Он сам заботится о формах существования в социальной памяти этого события: в речах он превращает событие в миф, в ритуалах он закрепляет его значение, в письменных произведениях – поэмах, речах – он снова разрабатывает и закрепляет трактовку себя как героя в исторической памяти.

Легитимность своей версии происходящего, своего конструкта, Цицерон отстаивает еще при сложении консульских полномочий, произнеся необычную клятву в том, что спас отечество. Но особенно крупным испытанием для него стало изгнание и возвращение. Действия по подрыву политического положения Цицерона, предпринятые его противниками в 50-е гг., изгнание его, включали попытку «переписать историю», созданную Цицероном. Борьба за трактовку событий, которую он старается отстоять, разгорается в конкуренции Цицерона с Клодием. Это была попытка трибуна 58 года Клодия дисквалифицировать действия Цицерона против Катилины и его соратников, признав Цицерона преступником, повинным в незаконной казни римских граждан⁸⁸, и взять на себя роль героя⁸⁹. Но, несмотря на то,

---

⁸⁷ Cic., Cat. III, 26.

⁸⁸ Закон Клодия «О правах римского гражданина» (de capite civis Romani), подтверждавший положения прежних законов и определявший, что всякий, кто без суда казнил римского гражданина, лишается гражданских прав. Цицерону пришлось удалиться в изгнание после некоторой борьбы. В апреле Клодий провел закон об изгнании Цицерона.

⁸⁹ Клодий, действуя отчасти как Цицерон, пробует отметить свой трибуна́т значительным деянием – разоблачением врага народа Цицерона и победой над ним. Он пытался закрепить это, построив храм Свободы на месте разрушенного дома Цицерона. «Гордясь этим, он сравнивал

что Клодию удалось отправить Цицерона в изгнание, эта попытка не завершилась успехом. Разгорелась борьба за его возвращение, в ходе которой многие, очевидно, повторяли его вариант изложения событий: «когда вас было 417 сенаторов, а должностные лица присутствовали все... вы в убедительных и длинных речах признали в тот день, что государство спасено моими решениями...»⁹⁰. Сенат, часть населения Рима и Италия в конкуренции между версиями выбрали Цицерона⁹¹.

В речи «О своем доме» Цицерон говорит уже о произошедшем событии, трибунате Клодия и его законе против Цицерона: угроза состоит в том, что противник может превратить мир, Рим в его противоположность, уничтожить, изменив его сущность, если коллегия понтификов признает законными действия и весь трибуна́т Клодия и его версию актуального для социальной памяти события⁹². Возвращение Цицерона из изгнания также отмечено в его речах рядом знаменитых и признанных имен лидеров, переживших подобные превратности судьбы (Камилл, Агала, Метелл Нумидийский, Публий Попи-

---

себя уже с Помпеем, имевшим величайшую силу в государстве» (App., В.С., II, 15). Ср. Cic., Cat. IV, 21.

⁹⁰ Cic., P. red. in sen., 26; 25.

⁹¹ «Теперь ни один человек, как бы неопытен он ни был, не назовет моих действий во время моего консульства преступлением, да и нет никого, кто был бы отечеству столь враждебен, что бы не признать, что оно спасено моими решениями. И в самом деле, есть ли на земле какой-либо общественный совет, большой или малый, который бы не внес о моих действиях решения самого желательного и самого лестного для меня?.. Сенат... постановил, чтобы все те, кто хочет блага государства, прибыли защищать одного меня, и указал, что государство не осталось бы невредимым, если бы меня не было, что оно вообще не будет существовать, если я не возвращусь из изгнания...» и далее (de domo suo, 72-73; 5; 43-50; 66; 68-76; 93-95).

⁹² Эти варианты, соответственно, несогласие с предложением и версией оратора и согласие с ней. Cic., de resp. har., 60-61; pro Mil., 3; de domo suo, 1-2: «...все достоинство государства, благополучие всех граждан, их жизнь, свобода, алтари, очаги, боги-пенаты, имущество оказываются отныне порученными и доверенными вашей мудрости... если этот разрушитель и поджигатель государства при помощи божественных установлений защитит свой пагубный и роковой трибуна́т, оборонить который он с помощью человеческой справедливости не может, то нам придется искать других священнодействий...».

лий, Гай Марий)⁹³. Одним из наиболее часто упоминаемых политических деятелей прошлого был Метелл Нумидийский, образец принципиальности, неподкупности и стойкости, и его поведение в конфликте с популяром Апулеем Сатурнином⁹⁴. Цицерон все же превосходит их тем, что его «призвал римский народ, умоляло государство, чуть ли не на своих руках принесла обратно вся Италия»⁹⁵. Процессия всаднической молодежи в его поддержку в связи с изгнанием, встреча Цицерона у стен Рима после изгнания, речи после изгнания, постановления сената, возвращение имущества, возмещение расхищенного и разрушенного, возвращение участка, где стоял его дом, а потом Клодиев храм Свободы также служили ритуализированными формами признания его версии событий заговора Катилины и бытования их в социальной памяти⁹⁶. Потеря и восстановление контроля над дискурсом закрепляли событие и его героя, скорее даже героя и его событие, тем вернее, что подвергали сомнению, лишней раз повторяли и снова соглашались с ним.

Бесчисленные самовосхваления и изложения своих достоинств, распространяемые им всеми доступными ему способами

---

⁹³ Cic., p. red. in sen., 25-37-38; de domo suo, 82; 86; 87; 88; pro Sest., 37-50.

⁹⁴ Cic., p. red. in sen., 25; 37; pro Sest., 37; de domo suo, 87. Ср. Cic., p. red. in sen., 6: «я отказался от своего благополучия, чтобы государство из-за меня было огажено кровью ран, нанесенных гражданам...» и об изгнании и возвращении Метелла см. App., В.С., I, 31-33. («Метелл... сказал, что он не допустит, чтобы из-за него возникла какая-либо опасность для отечества» (32)) App., В.С., II, 16.

⁹⁵ Cic., p. red. in sen., 39; 38: «Насчет их возвращения среди должностных лиц единодушия не было, к римскому народу с призывом защитить государство не обращались, движения в Италии не было никаких». Соответственно, «я совершил такие деяния, которые принадлежат не мне одному; нет, я был руководителем всеобщей воли, и они не составляют мою личную славу, а имеют целью общую неприкосновенность всех граждан, можно сказать, народов» (Cic., pro Sest., 38).

⁹⁶ О восторженном приеме Цицерона в Италии из изгнания см.: Cic., Att., IV,1, 4-5; Cic., P. red. in sen., 25; 33-34. По делу возвращения Цицерона из изгнания было решено привлечь к участию в собрании всех италийцев, обладающих правом голоса, и им была выражена благодарность. Cic., pro Sest., 129. Plut., Cic., 33.

служили как раз этой цели, тем более, что конкурировать ему приходилось в очень насыщенном информационном пространстве и, безусловно, с реальными лидерами. Такими, например, как Цезарь, который увлекательно пересказывал для аудитории свои завоевания. Цицерон даже пишет письмо Луцию Лукцею с просьбой «прославить и возвеличить» его имя в исторических сочинениях адресата⁹⁷. В речах после подавления заговора Катилины он постоянно возвращается к своему подвигу, напоминает о своих заслугах перед отечеством, опираясь на страх аудитории перед опасностью гражданской войны, и не без успеха.

Убедившись в молодости как важно всегда быть на виду⁹⁸, Цицерон старался не терять контакта с аудиторией. Даже будучи удален от прямого участия в политике, Цицерон продолжал сохранять присутствие в информационной сфере. Периоды его относительной политической пассивности были временем творческого подъема в судебной ораторской практике и в писательской деятельности: в 56-52 гг. он пишет поэмы «О моем времени» и «О моем консульстве», напоминающие о событиях 63 года (и отчасти компенсирующие его реальное положение), и важный в политическом отношении трактат «О государстве», в котором на уровне теории формулируются представления о праве исключительной личности «защитника и управителя государства» (на примере Сципиона Эмилиана) на экстраординарные полномочия, правда, в целях восстановления традиционной республиканской политической нормы⁹⁹.

Многочисленные примеры поддержки Цицерона¹⁰⁰, изменения мнения слушателей в его пользу¹⁰¹, оказанных ему почес-

---

⁹⁷ Plut., Cic., 24; Cic., Fam., I, 12.

⁹⁸ Plut., Cic., 6. Даже будучи проконсулом в Киликии, он тосковал «по месту, где я был бы на виду, по Форуму, по Риму» (Cic., Att., 5, 15, 1).

⁹⁹ 56-51 гг. и 46-44 гг. до н.э. Поэма «О моем времени» – 56 г., 55 г. – трактат «Об ораторе», 54-50 гг. – «О государстве», «О законах», 46 г. – «Оратор», «Брут», 45 г. – «О природе богов», «Тускуланские беседы», 44 г. – «Катон Старший», «Лелий или о дружбе», «Об обязанностях». Политические тенденции большей части работ не оставляют сомнений.

¹⁰⁰ «Приходило же к Цицерону ежедневно с приветствиями не меньше народу, чем к Крассу или к Помпею, людям, которые вызывали в римлянах величайшее удивление и были сильнейшими из всех, первый – своим богатством, второй – благодаря своей воинской славе» (Plut., Cic.,

тей¹⁰² свидетельствуют о том, что, несмотря на некоторую усталость от его самовосхвалений, его роль героя памяти, спасителя отечества была признана. Именно версия Цицерона о последней, четвертой, попытке одного из римских политиков Луция Сергия Катилины добиться очередной, высшей, магистратуры, стала действительным событием социальной памяти о герое – Марке Тулии Цицероне. В таком качестве она была запечатлена даже политическим противником оратора – Саллюстием Криспом, и именно в цицероновской редакции и масштабах она переписывалась античными авторами и дошла до нас.

У Цицерона были слабые (для лидера первой величины) стороны, как личного свойства, так и по части соответствия традиционному типуажу лидера. Почему же его версия была востребована в римском обществе? В период кризиса Цицерон предложил эффективную модель его преодоления через объединение всего общества за исключением небольшого числа «злонамеренных», восстановления республики, Рима как возврат к традиционным формам, мирным путем – силами героя, «императора в мирной тоге». Кризисом был не столько заговор Катилины, сколько масштабный кризис полисной республики, осознаваемый всем обществом. Модель Цицерона предлагала не конкурентную борьбу внутри общества, а согласие, не какое-то одно сословие, защищающее свои интересы, а исключительного героя, равного Ромулу, защищающего интересы всех, не просто решение одной политической ситуации, а новое основание Рима, переход к новому этапу существова-

---

8); все его успешное восхождение по лестнице магистратур, регулярные, «в свою очередь», победы на выборах; поддержка Цицерона народом после казни катилинариев (Plut., Cic., 22), по оставлении им консулата (Plut., Cic., 23), встречи его из изгнания (Cic., Att., IV,1,4-5; Cic., P. red. in sen., 29,33-34,39; Plut., Cic., 34), при возвращении в Рим («никогда, как сообщают, народ не голосовал с таким единодушием» Plut., Cic., 33), поддержка муниципиями (Cic., p. red. in sen., 28-29; de domo suo, 75, 87, 90).

¹⁰¹ Plut., Cic., 12. Яркий пример – спор о всаднических местах Plut., Cic., 13; отказ Рулла от своего земельного закона после речи Цицерона; сама построенная на речах кампания против Катилины, имевшего поддержку в массах, Филиппики.

¹⁰² Наиболее значительные – титул отца отечества в 62 г., чествование на Капитолии после победы над Марком Антонием в 43 г.

ния, не подвергая при этом сомнению традиционные ценности, а обращаясь к ним.

Цицерон боролся за символический капитал, и успешный результат этой борьбы подтверждался его современниками и потомками. Его «символический капитал» был «санкционирован, гарантирован и легитимизирован благодаря официальному признанию»¹⁰³. Он получил власть, основанную не на армии или экономическом ресурсе, а на контроле над символическим ресурсом. Стереотипизация события заговора Катилины и участия в нем героя-Цицерона становится очевидной гораздо позже, после убийства Цезаря, начала нового этапа гражданской войны и борьбы за власть, когда Октавиан угрожал Риму, и римляне обращались к Цицерону с просьбой взять на себя высшую власть в ситуации, подобной в символических масштабах заговору Катилины. Цицерон не мог этого сделать, в том числе и по той причине, что ситуации были совершенно разными.

***

Социальная память всегда актуальна и предоставляет версию существования и развития общества в контексте тех потребностей, которые общество испытывает. В историографии достаточно полно представлено состояние общественного сознания изучаемого периода как характерное для кризиса состояние ценностной дезориентации, повышенной внушаемости, отмечается наличие эсхатологических и утопических ожиданий при сохранении у римского общества и частичной активности традиционных республиканских политических стереотипов и установок (М. И. Ростовцев, Р. Ю. Виппер, Н. А. Машкин, Ю. Г. Чернышов, В. Н. Парфенов, Г. С. Кнабе, Я. Ю. Межеричкий). С одной стороны, ориентация на традицию, на образец присутствовала в способах конструирования социальной памяти в римской культуре. С другой стороны, сложная ситуация падения республики и общее состояние эллинистического мира приводили к сотериологическим идеям, связывались с деятельностью того или иного вождя.

Цицерону, конечно, не была свойственна ориентация на прогресс, и он не мог конкурировать с другими крупными по-

---

¹⁰³ Bourdieu P. Espace social et pouvoir symbolique. С. 146.

литиками своего времени в реальности. Однако он внедряет в социальную память свой подвиг как одно из ключевых событий в существовании римской *civitas*. Цицерон дополняет мифический перечень возрождения Рима из кризисов новым, своим циклом, который является идеальной моделью, поскольку сконструирован как почти мирная победа при всеобщем единении и согласии. Поскольку одной из постоянных задач этой коммуникации была саморепрезентация, важен оказался не столько заговор Катилины как реальное событие, сколько модель героя, выводящего государство (как миф, как норму, как римскую идентичность) из кризиса, останавливающего гражданскую войну путем мира и согласия всех сословий, возвращающего свободу, восстанавливающего утраченный город.

Цицерон в реальности утратил или, может быть, не имел власть лидера первой величины, но сохранил власть репрезентаций. Он был убит в 43 г. до н.э. по приказу Марка Антония, потерпев неудачу в реальной политической борьбе, не сохранив республику, будучи предан Октавианом, на которого он возлагал надежды в ее сохранении. Но, в конечном итоге, Цицерон добился того, к чему стремились римские политики, проходившие свой *cursus honorum*, – славы. Его место в социальной памяти Рима оказалось гораздо важнее результатов его политических деяний и устремлений. Марк Туллий Цицерон добился присутствия в памяти римского общества, и его имя стало одним из имен нарицательных для развития коллективной идентичности, не только римской, но и европейской.